

Бога легкое дыхание

Бунин-прозаик в 90-е годы писал о деревенской нищете и дворняжском разорении: "Вести с родины", "На чужой стороне" (Пасха, которую мужики из голодающей деревни вынуждены встречать на вокзале). Сам Бунин уже пережил мучительную любовь, так дивно воссозданную им спустя десятилетия в "Жизни Арсеньева". В лирике ни то, ни другое не отразилось. "Живу нищим", — писал Бунин в письме брату. В поэзию нищета материальная, душевное одиночество, неопределенность мироощущения не попали. Недаром он так обиделся на "Новое время", где его обругали за изображение "грязи жизни", в то время как "я воспеваю деревенские идиллии и слагу деревенские элегии".

Бунинский рассказ "У истока дней" (1906) — одна из вершин его раннего творчества, вмещающая множество лейтмотивов позднего Бунина; исток дней; пробуждение сознания ребенка; смерть и тайна, смерть ребенка; тайна творчества как зеркала (как непохоже бунинское зеркало на ахматовское).

Таинственная "зеркальность" — основа бунинской поэтики. По-прежнему преобладает центральное чувство: "Ах, как хорошо сделал Господь Бог, создавая свет". Но в дом входит смерть, и ребенок чувствует "всю сладость страстных рыданий матери, когда заливающийся тенор грустно утешал ее неизреченной красотой небесных обителей".

Печатаясь в "Мире Божьем", Бунин неоднократно употребляет это словосочетание: "и молодеет Божий мир", "в светлом Божьем мире я брожу мечтою", "Божий мир люблю я"... В этом мире "птицы о радости вечного Бога поют". Этот мир рождает чувство благодарности и присутствия Бога:

*За все Тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.*

Но если в прозе Бунина благодать мира, помимо смерти, нарушают несчастливая любовь и социальная дисгармония, то в поэзию он допускает только одну страшную гостью — смерть. И тогда "церковный пейзаж" Бунина обретает особые очертания: "На монастырском кладбище", "Надпись на могильной плите" — названия его стихотворений 1901 года (впрочем, последнее стихотворение заканчивается так: "Из недр земных земле благовестую / Глаголы Незакатной Красоты"). Но уже чувствуется приближение страданий:

*Достигайте в несчастии радости
мук беспредельных!
Приготовьтесь к Великому мукой
великих потерь!
(1901)*

Неслучайно, что в том же первом году наступившего нового века, о котором впоследствии (30 сентября 1917 г.) Бунин напишет: "Презренного, дикого века / Свидетелем быть мне дано", — он впервые обратился к переложению Священного Писания. И начал с четвертой главы Апокалипсиса, к которому будет обращаться и позднее.

Бунин обращает взгляд читателя на "серебро икон в божнице" (1906), на "кресты на древней церковке", на "головки мелких куполов" (1906) и вновь: "В углу на юг — иконы, / И сколько их в божнице — счету нет" (1906—1911). "И сладко пахнет из гробницы / Истлевшим кипарисовым крестом" (1912), и "часовенка в бору" (1912), и "развалина часовни гробовой" (1922). "Петух на

церковном кресте" поет о том, "что все обман, / что лишь на миг судьбою дан / И отчий дом, и милый друг, / И круг детей, и внуков круг, / Что вечен только мертвых сон, / Да Божий храм, да крест, да Он".

Крест связывается в сознании Бунина с национальной спецификой России:

*Я не люблю, о Русь, твоей
несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик
белый...
Смиранные, родимые черты!*

Это, пожалуй, единственное в течение долгого времени упо-

В стихотворении "Новый храм" (1907) возникает образ иконописцев, в сознании которых Христос был тоже "ясен и прост":

*...И Христа,
Что слушал нас в веселом храме,
Мы написали неспроста.*

*Нам все казалось, что под эти
Простые песни вспомнит Он
Порог на солнце в Назарете,
Верстак и кубовый хитон.*

В 1912 г. Бунин пишет большое стихотворение "На пути из Назарета", завершая его строчками, вобравшими в себя и предвестие грядущих бед и веру поэта:

*Встань, возвратись в Мой тихий
Назарет —
И всей земле яви Моё благоволение.*

В этом же стихотворении есть строчка: "Близок день, когда мечи / Перекуют народы на орала". Пожалуй, это единственный раз, когда чутье отказало Бунину, но кому тогда оно не отказало? Валерий Брюсов не остановился перед тем, чтобы 20 июля 1914 г. озглавить стихотворение "Последняя война" и закончить его так:

*Пусть рушатся бывшие своды,
Пусть с гулом падают столбы, —
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы!..*

«В Воронеже-то и родился я.
Там прошли первые три года моей жизни».

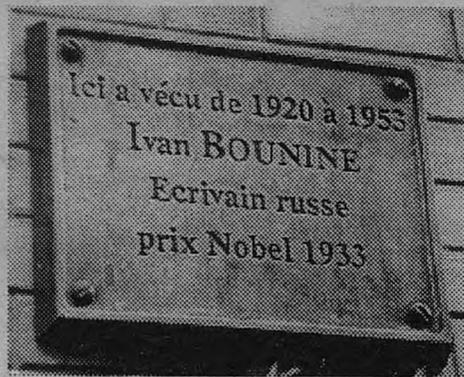
минание Креста и Руси воедино у Бунина в стихотворении, связанном темой нищеты и Христа с известным тютчевским стихотворением, и в какой-то степени полемизирующим с ним. В ряде стихотворений: "Крещенскую ночь", "Канун Купалы", "Петров день" — речь идет, скорее, о народных поверьях, о ритме жизни, или тема проступает лишь как декоративный элемент.

Ближе к поэтической зрелости Бунин начинает осязаемо чувствовать Христа и особенно Богородицу. В его поэзию входит тема Назарета, Рождества, детства.

*Человечество, венчая
Властьку божеской тиранов,
Обагрив руки кровью
В жажде злата и раба,
И само еще не знает,
Что оно иного жаждет,
Что еще раз к Назарету
Приведет его судьба!*

И наконец, за несколько месяцев до начала мировой катастрофы (24 марта 1914), в стихотворении "Новый Завет" Господь говорит, обращаясь к Иосифу:

*Иосиф! Я расторг с жестокими
завет.
Исполни в радости Господнее
веленье:*

Мемориальная доска на доме в Париже, где жил и умер И.А. Бунин.

Бунин в те годы говорил: "Война все изменила. Во мне что-то треснуло, переломилось, наступила, как говорят, переоценка всех ценностей".

Его поэзия не перестала быть религиозной, но в нее вошла тема священного ужаса, трагизм вифлеемской незащитности и гетсиманской богооставленности — недаром в послереволюционной поэзии он обращается к "Входу в Иерусалим", а в одном из лучших бунинских стихотворений "Бегство в Египет" ("По лесам бежала Божья Мать, / Куньей шубкой запахнув младенца...") природа, животный мир объята страхом и злобой и лишь финальный аккорд отчасти разряжает грозную атмосферу:

*И огнем вставал за лесом меч
Ангела, летевшего к Сиону,
К золотому Иродову трону,
Чтоб главу на Ироде отсечь.*

Этот ужас перед грядущей бездной, ощущение поворота жизни и ее конца, пробуждения дикаря, ветхого человека все ощутимее проступают в стихах Бунина.

Вот, например, как заканчивается стихотворение "Канун":

*Вот рожь горит, зерно течет,
Да кто же будет жать, вязать?
Вот дым валит, набат гудет,
Да кто ж решится заливать?
Вот встанет бесноватых рать
И, как Мамай, всю Русь
пройдет...*

Тема конца исторического периода совпадает и с автобиографическим мотивом. В стихотворении "Свет незакатный", написанном в том же году, что и книга С.Булгакова "Свет не вечерний", Бунин прощается не только с прежней Россией, но и с прежним собой:

*В мире круга земного,
Настоящего дня,
Молодого, былого
Нет давно и меня.*

За год до смерти, в 82 года, Бунин пишет стихотворение "Ночь", в котором есть такие строчки, воспринимаемые как завещание:

*Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.*

И — последнее бунинское стихотворение — "Искушение":

*В час полуденный, зыбко свиваясь
по Древу,
Водит, тянется малой головкой
своей,
Ищет трепетным жалом нагую
смуценную Еву
Искушающий Змей.*

Круг замкнулся. Умиравший поэт возвращается к "истоку дней", к началу Бытия.

Недаром о. Киприан Керн писал Бунину: "«Боже мой, сколько Ты дал этому человеку! Боже мой, как Ты одарил его! Как он богат Тобою!» Я восхищаюсь замыслом Божиим о Вас, и думаю о том великом назначении Человека, которое дано всякому и с особенной силой запечатлено на Вас".

Москва